

А.А.Яковлев

Претворение традиции

Когда действительность, социальная и повседневная, не оставляет человеку никакой надежды на обретение опоры, когда вещи, люди и символы теряют определенность, становятся зыбкими и как бы неподлинными, — именно тогда мышление обращается к иным мерам, а время обретает иной масштаб: теперь значимы не дни и недели, не месяцы и годы, и даже не десятилетия; человеческое я стремится найти прибежище, избавляясь от погруженности в действительность, мысля более универсальными категориями. Это не означает, что путь всегда определен обстоятельствами. История дает примеры — пусть не столь многочисленные — полностью самостоятельного движения к иному видению времени и человеческого я. И все же, когда с саморазрушением повседневности действительность «выталкивает» нас в иное, духовное пространство, мы должны быть благодарны судьбе, распорядившейся так, а не как-либо иначе.

Это только кажется, что мы живем во времени великих социальных перемен. Да, конечно, здание, в котором жили по крайней мере три поколения русских людей, обветшав, на наших глазах обрушилось. Но мы-то остались. И это единственное, что вообще остается, — мы с нашим внутренним духовным миром. Из этого, в последнем счете, вырастает и все другое; что там дальше делается или не делается — основано на том, какие мы внутри, как мы устроены или, скорее, как мы сможем себя устроить. «Как обустроить Россию» — вопрос второй; первый — как обустроить самих себя.

В 1925 г. великий русский философ Николай Александрович Бердяев сформулировал «Духовные задачи русской эмиграции»; это была статья, открывшая первый номер журнала «Путь» — журнала религиозно-философской мысли. В 1940 г., когда немцы вошли в Париж, его издание было прекращено. В этой статье, имеющей подзаголовок «От редакции», Н.А. Бердяев писал: «Задача культурного слоя русской эмиграции и есть духовная задача осознания той истины, что есть только одно движение против царства антихриста, на котором почивает Божья сила, это — движение, осуществляющее Христову правду и ею вдохновляющееся. «Сей же род изгоняется только молитвой и постом» (Матф. Гл. 17,21). Сознание этой религиозной истины не означает проповеди пассивности. Наоборот, это есть призыв к величайшей духовной активности, которая приведет и к активности общественной и исторической. Но общественная актив-

ность бесплодна и пуста, если она не исходит от активности духовной, от изменения духа, от обретенной духовной силы»¹.

Высылка русских философов в 1922 г. означала эмиграцию русской философии. Ведь нельзя же всерьез полагать, что так называемая «советская философия» вошла или когда-нибудь войдет в историю мировой философии. Только если — как курьез. В лучшем случае над нею смеются, но по большей части к ней относятся так же, как к «гомо советикусу», — со смешанным чувством гадливости и ужаса. Часто утверждают, защищая эту «советскую», официальную философию, что и в ней «нечто» происходило, что были там одаренные люди, интересные результаты. Наверное. Но если результаты и были, то — помимо гнетущего официоза, вопреки ему и подвергаясь гонениям с его стороны. Если и можно говорить о тлевшем все эти годы огне философской мысли, то только как о феномене «внутренней эмиграции» или «катакомбной культуры». Философия продолжала существовать в «катакомбах» — существовали кружки, передавались из рук в руки книжки, букинистические, свои переводные и «имковские», «посевовские».

Говорить о том, что и в официальной философии было что-то по-настоящему ценное, — значило бы утверждать, что, скажем, гений Сальвадора Дали был способен осуществиться и в гипсовых бюстах Ильича.

Что касается катакомбной философии, то, сколь бы мы ни были ей обязаны — а мы, живущие в России сегодня философы, обязаны ей практически всем, — она сегодня прекратила свое существование. Она исчезла вместе с «советской» официальной философией. И она могла существовать только в «связке» с официозом, только за счет противостояния ему. «Внутренняя эмиграция» в философии — мы должны констатировать это — носила в основном негативный характер. За редчайшими исключениями. Доказательством тому служит хотя бы то, что, когда появилась возможность публиковаться открыто, ничего стоящего из ящиков своих письменных столов философы так и не смогли вытащить.

Слава Богу, эмиграция, так сказать, *внешняя* смогла работать в полную силу. Мы еще плохо себе представляем, какое влияние оказало поколение 1922 г. на западную культуру. И, конечно, почти все, что ими было сделано, остается для нас землей неизведанной. Полностью забыта и наша традиция «дореволюционная». Только сейчас появляется какое-то видение исторической перспективы, приоткрывается грандиозная картина русского философского ренессанса конца XIX — начала XX вв.

1 «Путь», 1925, № 1, с. 4.

рИ?^~^~^3-10» '-силою -ли • обстоятельств, или же внутренним, движением
iij^iv—:•ИР' позиция: философствования,, т.е. сама интеллекту-
! рйнная возможность для зарождения (или возрождения) философии
S сформирована. Есть и богатейшая — дореволюционная и пореволю-
ционная — Традиция, однако при этом совершенно неосвоенная. Де-
Щр за малым: освоить эту традицию, т.е., во-первых, опубликовать
1 Шёизвестные нам труды, провести обширные и тщательные историче-
^ЩиёШследования^ выстроить какой-то образ философской жизни в
№р|||:у^: ^нзатём'. ' ' —" затем '-уповать На чудо претворения традиции в
Д^§e|орш^альнoё^фи лoсьфcТв ов ани ё ; которое бы происходило се-
ftгаiaах; в котором мы могли бы актуально соучаст-

^Ш^ ^жду--традицией; данной нам в историко-философском изуче-
щйИу^ дистанция слишком большая. Историку,
^.^ьщлёниёгёго^ предаёт предстает прежде всего в ви-
|К1яр|^тв, к0 требуется прочесть, понять, связать в единую
^Ншр^ ^: ре^ош^ за текстом, поме-
в контекст — социальный и состоящий из других, имею-
ИИрМ^ исходному, текстов, и проделать еще массу опера-
Вш||| ^актерны^ д^я истории философии как предметного йсследо-
Iзрния. Перейти от изучения традиции к воспроизведению традиции —
Ц^ ^ ^И^пытать своего, рода" п^рёврпЛьщенийё, после которого всякое
обращенное к текстам, теряет смысл, так как ради-

можно надеяться на то, что наши исследовате-
увлёйкйх: русских философов однажды проснутся и об-
^дШжат;,: 'чтр:'. и, сами могли бы поетендрвать на роль «великих».
о,, чтобы; лeтрг?исъреврйтлась еi саму. историю?

Н В g ^ ^ : между биографией и автобиографией.
ИКшшШс!ёгда,- — источник для первой. но никогда наоборот.

^ ^ ||| a | р ч е н и е двух.способов передачи традиции • — воспроизведе-
IрjМ^fe^рВ;,:.Иь воспроизведения живого, опыта мышления — :чрезвы-
И В р ^ различие между

Дjftfe^дями • традиции и носителями традиции. У нас появилось —
еще появляться — немало людей, хорошо знающих тексты,
ВШ^ЩЩ: лета ли биографий великих мыслителей; ; однако: прчти не
философской традиции. Обратим внимание и

~~~~~gca^Sj^Q^Fe^ttR^gaoХранители традиции могут иметь учере-
ры М • пе р е д а ют: своизнания, умения, профессиональные

||||щ как правило, учени-
философии и состоит в том, что искусство фи-
В|в^ф^гврвания не передается от учителя к ученикам. Дух дышит

Русский философский ренессанс не был исключением. Никто не мог бы заранее сказать, что именно в это время появится столько великих имен. И мы можем лишь гадать, какие именно условия способствовали взлету философского творчества. Первое и, наверное, самое важное — возникновение «отстраненной» позиции, возможность некоего рассуждения из точки, находящейся «над» действительностью. Авторы «Вех» лишь зафиксировали появление у себя такой позиции, которая была ошибочно принята окружающими за нечто вроде аполитичного отказа от идеалов социальной справедливости. Второе и столь же важное — позиция «отстранения» сформировалась усилиями сразу нескольких мыслителей. Появилась возможность живого непосредственного общения людей, способных к философской рефлексии. Религиозно-философские общества начала века дали лишь внешнее облачение факту их контактов, обнаруживающемуся сегодня в публикациях многочисленных переписок.

Наконец, третье, требующее чуть более пространных рассуждений. В конце XIX — начале XX вв. русская философская культура, становясь на ноги, тесно соприкасалась с западной философской культурой. Многие исследователи считают, что влияние Запада началось раньше и, например, основатели славянофильства черпали основные идеи из немецкой классической традиции. Однако о серьезных контактах можно говорить все-таки начиная только с конца XIX в. Своеобразие возникало при теснейших межкультурных контактах. Таков факт истории, требующий осмысления, но не исчезающий от этого в качестве факта.

С этого пункта рассуждение может идти разными путями.

1. *Путем, настаивающим на сохранении своеобразия русской философии.* Сегодня, когда речь идет о спасении вообще всей русской культуры, — говорят приверженцы этого строя мыслей, — не должна быть забыта и русская философия. Для этого необходимо всячески оберегать русскую национальную традицию от посягательств извне, настаивая на «сущностных» чертах русского философствования, его уникальности, тесных связях с православием и т. д. Своеобразие отечественной философии видится ими прежде всего в ее религиозном характере, в том, что почвой своей она обязана православному христианству и старому укладу жизни, и чем она ближе к ним, тем своеобразнее.

Такая установка, видимо, ориентирована на дореволюционный, до-эмигрантский период, усматривает в нем некое идиллическое состояние, гармонию, идеальную среду для творчества. На сей счет есть вполне определенное мнение Н. А. Бердяева, не считающегося с которым невозможно: «В религиозно-церковной жизни русской эмиграции есть реакционно-реставраторские течения, которые хотели бы вернуть Церковь к старому положению, забывая, что Церковь была

угнетена и унижена, что отношения между церковью и государством были нестерпимы для христианского сознания, что старый быт наш был скорее языческий, чем христианский, что общество наше было очень мало христианское. ...Безумно было бы восстанавливать неправду, за которую мы терпим кару. В положении христианства до катастрофы была неправда и ложь, которая и вызвала катастрофу. Капиталистическое общество не менее антихристианское, чем общество коммунистическое². Что же касается эмигрантского периода, то философия тогда волею судеб была поставлена в совершенно иные условия, а именно: пусть вынужденного, но теснейшего взаимодействия с западным духовным миром. И в состоянии замкнутости она не осталась.

В «охранительной» линии рассуждений есть стремление привязать русскую философию к исторически-конкретной действительности, — стремление, для философии как таковой губительное. Русская философия всегда была своего рода реформацией — и в отношении Церкви, и в отношении Социальности. Но, делаясь религиозным или социальным реформаторством, — она теряла свою исходную, первоначальную позицию, позицию собственно философствования.

Имеется второй путь рассуждения, получающий все более широкое распространение сегодня, — завтра же, скорее всего, он станет повсеместным.

2. Философия, как и наука, имеет общечеловеческое, общемировое значение и никак не зависит от характера той территории, на которой она случайным образом возникает.

Этот тезис, как принято говорить, очень «сильный», из него следует многое. Прежде всего то, что к истории философии можно относиться как к архиву, как к чему-то не слишком обязывающему, «факультативному»; значима главным образом современная философия. Русская философия — отдаленное прошлое и ценна исключительно своей экзотичностью. (Многие на Западе так ее и изучают — чем экзотичнее, тем забавнее.)

И все же, несмотря на всю привлекательность такой установки, ее декларируемую научность, объективность, беспристрастность, принять ее никак нельзя. Философия не может быть отождествлена с наукой, с любым предметным исследованием. «Результаты», полученные в философии, несоизмеримы друг с другом. История философии не есть история заблуждений, которые сменялись якобы по мере углубляющегося проникновения в некие «философские предметы». Рискну утверждать, что и большого прогресса в философии не наблюдается.

² Там же, с. 8.

3. Наконец, возможна еще одна линия рассуждений. Мы должны *попытаться еще раз пройти через процесс зарождения оригинального философского мышления, подобный тому, который произошел в России конца XIX — начала XX вв.* Через какое-то — достаточно малое — время наша страна окажется в положении, когда все попытки *даже говорить* о своеобразии русского философствования будут отвергаться с порога. Произойдет широчайшая экспансия западной культуры, тем более триумфальная из-за теперешнего нашего духовного вакуума. Экспансия не страшна, если при этом не исчезает национально окрашенная традиция. Скоро мы все окажемся в том же положении, что и русская эмиграция поколения 1922 г. «Бороться» с воздействием Запада смысла нет. Единственный шанс для нас — открытость любым влияниям, при собственной интенсивной духовной, интеллектуальной, философской работе.

Отсутствие живого актуального мышления — неангажированного, происходящего в сообществе мыслителей и при стимулирующем воздействии иной культуры — будет означать только одно: русская философия навсегда сдана в архив мировой истории как подававшая большие надежды, но неудавшаяся попытка построить оригинальную систему мышления.

Журнал «Путь» ставит перед собой задачи, которые когда-то ставила «философская эмиграция». Наш журнал будет по мере сил способствовать становлению единого — Восточного и Западного — интеллектуального пространства, он будет объединять усилия философов различных стран, занимающихся жизненно важными проблемами. Ведь философские проблемы, по определению, — это те проблемы, без которых невозможно *жить*. Невозможно жить, не думая о смерти, — сказал бы Платон. Однако жизнь теряет смысл и тогда, когда думы о смерти не ведут к вере и надежде.

«Праведный верою жив будет» (Рим. 1,17).